

Вечером Чжун Цзыци приготовил из принесённых сегодня бамбуковых побегов жаркое из свиного сердца с бамбуком. Получилось на удивление вкусно, и Чжао Чжэнъань, как и следовало ожидать, опять объелся до отвала. Опасаясь, как бы у него не случилось несварение, Чжун Цзыци велел ему пройтись по двору, а сам тем временем перемыл всю посуду и вскипятил целый чан горячей воды. После целого дня на ногах от него так разлило потом, что терпеть это уже не было сил.

Наверное, ещё и потому, что это тело было слишком слабым — он всё время потел.

На кухне стояла большая деревянная купель. Чжун Цзыци налил в неё воды, попробовал — температура как раз, — и тут же, не в силах больше ждать, скинул одежду и сел внутрь. От удовольствия он тихо выдохнул. В последние дни он так уставал и выматывался, что только наспех обтирался, но сегодня наконец-то можно было как следует отмокнуть в горячей воде. Опершись головой о край купели, он вдруг почувствовал, будто забыл что-то важное. Что же именно?

— Жена? — Чжао Чжэнъань, нагулявшись после еды, вернулся в комнату, но жены там не обнаружил, и потому отправился искать дальше. Дверь на кухню была лишь прикрыта, изнутри едва слышался плеск воды. Обрадовавшись, он толкнул дверь — и первым, что бросилось ему в глаза, были обнажённые, ослепительно белые плечи и спина его жены.

Услышав голос Чжао Чжэнъаня, Чжун Цзыци вдруг спохватился, что именно забыл: этого самого Чжао Чжэнъаня. Он обернулся и махнул рукой:

— Чжэнъань, иди пока в комнату и подожди меня. Я домоюсь — и сразу вернусь.

Но на этот раз Чжао Чжэнъань, обычно такой послушный, вдруг заупрямился. Подойдя ближе, он присел перед Чжун Цзыци на корточки и с глуповатой улыбкой заявил:

— Не пойду. Останусь здесь.

Глаза у него сияли, как две маленькие звезды.

Уговорить его не получилось, и Чжун Цзыци, махнув рукой, просто протянул ему полотенце:

— Тогда хотя бы потрёшь мне спину.

Вёл он себя настолько непринуждённо, что напрочь забыл о том, что он гер. Впрочем, даже если бы и вспомнил, с его характером он, скорее всего, только невозмутимо бросил бы: «Мы оба мужчины. У меня есть то же, что и у него — чего тут стесняться? К тому же он ведь дурачок».

Чжао Чжэнъань послушно взял полотенце и встал у него за спиной. Сам не понимая почему, он вдруг почувствовал, что во рту пересохло. Он очень осторожно водил полотенцем по этой светлой, гладкой спине, словно боялся хоть чуть сильнее нажать и разрушить хрупкую красоту перед собой. И чем дольше он тёр, тем сильнее ощущал, что с ним что-то не так. Почему вдруг стало так жарко?

Через некоторое время Чжун Цзыци уже достаточно отмок и собрался вставать. Но Чжао Чжэнъань всё так же торчал рядом столбом. Даже при всей своей невозмутимости Чжун Цзыци почувствовал лёгкую неловкость.

— Подожди меня снаружи. Я сейчас выйду.

— Ага, — на этот раз Чжао Чжэнъань послушно вышел за дверь.

Ему сейчас казалось только одно: слишком жарко, надо бы постоять снаружи, остыть.

Одевшись, Чжун Цзыци сменил воду и велел Чжао Чжэнъаню тоже помыться, и только после этого они легли спать.

Наверное, слишком уж сильным оказалось это потрясение: всю ночь Чжао Чжэнъаню снилось что-то ослепительно-белое. Белая, белая жёнушка. Он не удержался, обнял его, потом... а потом ничего не было. Потому что его грубо растолкали.

В тусклом свете масляной лампы он увидел лицо жены — совершенно бесстрастное. И от этого почему-то стало по-настоящему страшно.

Чжун Цзыци был окружён такой тяжёлой, давящей аурой, что не заметить её было невозможно. Любой бы разозлился, если бы его, мирно спящего, вдруг начали обнимать, тереться об него и лапать. Стоило ему открыть глаза, как он обнаружил, что Чжао Чжэнъань крепко обнимает его со спины обеими руками, а внизу, прижавшись к его ягодицам, о себя настойчиво напоминало нечто твёрдое. Он резко сел, обернулся — а этот тип всё ещё спал с закрытыми глазами, причём совершенно сладко, и только без конца бормотал во сне:

— Жена... Жена...

Он с силой толкнул Чжао Чжэнъаня, и только тогда сумел его разбудить. Ничего не говоря, он просто холодно уставился на него. Чжао Чжэнъань всё-таки не был человеком с нормальным, зрелым рассудком: будь он не дурачком, сейчас наверняка бы тут же кинулся к Чжун Цзыци, вцепился бы в него, стал бы ластиться и засыпать вопросами, что случилось. Но он был именно дурачком, и потому под этим ледяным взглядом жёнушки лишь боязливо втянул голову в плечи. А то место, за которым он сам не следил, понемногу тоже обмякло.

Он этого не заметил — зато Чжун Цзыци заметил прекрасно. Увидев, что главный виновник наконец «опустил голову», он удовлетворённо убрал с лица холодное выражение и коротко бросил:

— Спать.

— Угу... — Чжао Чжэнъань всё ещё ничего не понимал, но послушно лёг обратно.

Он только протянул руку, как тут же услышал ледяной голос:

— Руками меня не трогай. Ложись дальше, к стене.

Чжао Чжэнъань поспешно отдернул свои лапы и, обиженно поджавшись, отполз глубже на кровать.

Лишь убедившись, что тот снова ведёт себя смирно, Чжун Цзыци закрыл глаза. Но в голове всё равно всплыл странный вопрос: человек уже совсем дурной, а эта функция у него всё равно работает? К счастью, сам Чжао Чжэнъань ничего не понял. Иначе что, ему пришлось бы ещё и собственными руками учить его, как это... Стоило Чжун Цзыци живо представить себе такую сцену, как его передёрнуло. Он тут же про себя решил: если подобное повторится, действовать

надо будет точно так же — холодно смотреть и давить. Главное, чтобы тот ничего не понял. А то ещё войдёт во вкус — и что тогда делать?

Пока мысли клубились одна за другой, сон всё-таки взял своё, и Чжун Цзыци постепенно уснул. Уже проваливаясь в дрему, он ещё успел подумать: не стоит ли и правда, стиснув сердце, начать спать раздельно?

Но наутро эта решимость растаяла без следа. Проснувшись, Чжун Цзыци увидел, что Чжао Чжэнъань, скорчившись, спит у самой стены. Полные губы чуть обиженно надуты, а всё его тело, свернулось в тесный комочек. Чжун Цзыци знал: так обычно спят те, кому отчаянно не хватает чувства безопасности. Он тихо вздохнул. Этот парень и правда умудрялся каждый раз сначала вывести его из себя, а потом — в самый нужный момент — снова заставить сердце смягчиться.

Летним утром ещё держалась приятная прохлада. Умывшись холодной водой, Чжун Цзыци принялся готовить завтрак.

Когда Чжао Чжэнъань, зевая, ведомый аппетитным ароматом, вошёл на кухню, первым, что бросилось ему в глаза, были румяные, поджаренные до золотистой корочки лепёшки с начинкой. Насыщенный запах ударил в нос — и от его сонливости не осталось и следа. Он сглотнул слюну, тихонько подкрался к Чжун Цзыци сзади и негромко позвал:

— Жена...

Он всё ещё помнил, как тот странно рассердился прошлой ночью, и не знал, прошла ли обида.

На самом деле Чжун Цзыци, провозившись с утра по хозяйству, почти забыл о вчерашнем. Увидев, с каким заискивающим выражением на него смотрит Чжао Чжэнъань, он лишь сказал:

— Сначала иди умывайся и чисти зубы. Я почти закончил.

— Ага, — послушно откликнулся тот и тут же отправился выполнять указание, радостно думая про себя, что, похоже, «жена» больше не сердится.

Лепёшки, которые приготовил Чжун Цзыци, получились тонкими, с щедрой начинкой — стоило откусить, как во рту оставался насыщенный, тёплый вкус. Всего он сделал шесть штук: сам съел две, а оставшиеся четыре без остатка исчезли в желудке Чжао Чжэнъаня. Невольно задумавшись, Чжун Цзыци пришёл к выводу, что впредь стоит готовить больше — ведь в доме есть настоящий обжора.

После еды он вынес во двор собранные вчера грибы и древесные ушки, разложил их сушиться, затем очистил бамбуковые побеги, нарезал их полосками, ошпарил горячей водой и герметично закрыл — через пару дней из них получатся кислые побеги.

Закончив с делами, они с Чжао Чжэнъанем устроились в тени. Чжун Цзыци погрузился в свои мысли, а Чжао Чжэнъань, не скрываясь, просто смотрел на него, словно не мог наглядеться.

Чжун Цзыци размышлял: если открыть уличную лавку с едой, то утром можно продавать что-то горячее — по утрам всё ещё прохладно, — а днём, наоборот, предлагать более освежающие блюда. В голове уже начали вырисовываться конкретные идеи, но оставался вопрос с оборудованием для прилавка: где всё это достать? Можно ли арендовать? Заказывать у плотника — долго и дорого... Пожалуй, аренда была бы лучшим вариантом.

Хм... значит, снова придётся съездить в городок. Лавку нужно открыть как можно скорее — запасы риса и муки тают на глазах, а из денег осталось всего пятьсот вэнь. Нужно успеть всё уладить, пока они не закончились.

Раз уж он решил ехать, откладывать смысла не было. Чжун Цзыци пораньше пообедал — и вместе с Чжао Чжэнъянем они отправились в город.

Не сбавляя шага, они добрались до городка. Немного поразмыслив, Чжун Цзыци решил открыть свою лавку у южного причала. По правде говоря, между южным и северным причалами особой разницы не было — просто личное предпочтение.

Найти причал оказалось проще простого: идти всё время прямо — и через каких-то десять с лишним минут они уже были на месте. Вокруг стоял гул голосов — торговцы наперебой зазывали покупателей.

— Свежие морепродукты! Только что с моря!

— Пышные баоцзы! С сочной начинкой!

— Горячая лапша с подливой, попробуйте!

— ...

Стоял самый разгар полудня. У многих лавок не было свободных мест — люди сидели вплотную друг к другу. У других же — лишь несколько редких посетителей. Среди них попадались и странно одетые, явно приезжие, и местные.

Чжун Цзыци долго наблюдал, оценивая обстановку, и вскоре понял: хоть торговцев и много, всё же их меньше, чем он ожидал. Чуть поразмыслив, он быстро уловил суть.

Слишком много монахов — слишком мало каши. В такой обстановке выживает только тот, кто доводит своё дело до совершенства. Да, торговцев и путников хватает, но не настолько, чтобы у каждой лавки не было отбоя от клиентов. А уж в сфере еды конкуренция и вовсе жестокая: сегодня ты можешь радоваться выручке, а завтра — с мрачным лицом сворачивать лавку, уступив место тому, кто готовит лучше тебя.

Сделав вид, будто просто праздно интересуется, Чжун Цзыци порасспрашивал нескольких торговцев и получил нужную ему информацию. После этого он повёл Чжао Чжэнъяня к одному слегка обветшалому двору.

Стоило им войти, как в глаза сразу бросилась небольшая деревянная тележка для торговли, стоявшая у стены. На ней покоились два котла. Позади тележки лежали разборные стол и скамьи — всё, что нужно для уличной лавки.

— Есть кто? — Чжун Цзыци постучал в дверь и негромко позвал.

— Ай, да-да, есть! Кто там? — откликнулся голос изнутри. Вскоре наружу вышел пожилой гер, на вид лет сорока с лишним, с густой сетью морщин у глаз. Он окинул их недоумённым взглядом: — Вы кто такие?

Чжун Цзыци улыбнулся:

— Вы ведь Хуан амо, верно?

Тот кивнул:

— Верно, это я.

— Здравствуйте, Хуан амо. Меня зовут Чжун Цзыци, а это мой муж, Чжао Чжэнъань. Дело вот в чём: я расспрашивал людей на причале и узнал, что раньше вы там торговали, но недавно прекратили. Я хотел спросить... эта тележка у вас сейчас используется? Если нет, можно ли взять её в аренду?

— А-а, вот оно что... — протянул Хуан амо. — Проходите сначала во двор. Такое дело мне надо обсудить с хозяином. Я позову его, пусть сам с вами поговорит.

Он пригласил их внутрь и, обернувшись к комнате, громко позвал:

— Старик Хуан! Эй, старик Хуан! Выйди-ка, у нас гости!

[Дополнение о Чжао Чжэнъане]

После того как Чжао Чжэнъань лишился рассудка, он всё время жил в нестабильной обстановке. Пусть он и был «глупым», но, как говорил Чжун Цзыци, его сознание оставалось на уровне ребёнка лет семи-восьми. Поэтому насмешки, оскорбления, холод родителей, их побои и отталкивание — всё это он чувствовал. Просто не умел выразить.

Иногда он играл с деревенскими детьми. Для них взрослый парень, который вдруг ведёт себя как ребёнок и играет с ними, казался чем-то забавным — и им это нравилось. Но, конечно, не все были добры: некоторые, зная, что он «дурачок», дразнили его, обзывали, издевались.

И всё же находились и те, кому это было неважно — они искренне принимали его в свои игры.

Но у Чжао Чжэнъаня редко находилось время для веселья. Большую часть дней он помогал по дому, стараясь угодить отцу и отцу-аму, надеясь заслужить их одобрение. Только вот, похоже, всё шло совсем не так, как он хотел.

В какой-то момент дети, с которыми он играл, начали говорить ему, что родители его больше не хотят — что собираются выгнать его из дома. Некоторые даже добавляли, что ему найдут «жену» и выгонят их вместе.

Он с лёгким недоумением спрашивал:

«А что делает жена?»

«Жена — это как отец и амо.» — отвечали дети, — «Живёт с тобой и спит рядом.»

«И ещё готовит тебе еду и стирает одежду.»

Чжао Чжэнъань, хоть и не до конца понимал, запомнил это очень крепко: жена — это, похоже, кто-то даже ближе и дороже, чем отец и амо. Он начинал ждать этого с нетерпением... и в то же время боялся — вдруг и жена, как все остальные, станет презирать его за то, что он «глупый», хотя сам он так и не понимал, что это значит.

<http://bllate.org/book/16132/1595630>